ОБРАТНЫЙ СЕАНС

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Обратный сеанс

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Обратный сеанс / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Три года назад Римма Юдина заплатила Аркадию Веденину, чтобы услышать погибшего сына. Аркадий сказал за Павла то, чего ждала мать: «Мам, я дома. На кухне свет можешь гасить». Закрыв свой кабинет, Аркадий переносит стулья домой. И тут слышит у себя на кухне знакомый голос. Римма умерла два года назад. На этот раз она сама вызывает живого.Павел помнит каждое слово. Хлеб на столе. Мокрый носок на правой ноге. Но он знает, что такого прощания у них с матерью не было. Откуда взялось чужое воспоминание? Можно ли вернуть своё? След ведёт Аркадия к зрителям его первого сеанса. Ему было тринадцать, когда под столом раздался стук, которого не ждал даже фокусник.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Если здесь есть кто-нибудь живой 5
Глава 2. За щекой 8
Глава 3. Чужой локоть 13
Глава 4. Шесть стульев 17
Глава 5. Левое ухо 22
Глава 6. Полочка на живую 26
Глава 7. Выдержка 31
Глава 8. Девочка с треснутой птицей 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

А.М. Сунгурский
Обратный сеанс

Глава 1. Если здесь есть кто-нибудь живой

Женщина, которая вызывала Аркадия с того света, три года назад заплатила ему мятыми сотенными. Она их складывала по одной на стол и разглаживала ногтем. Денег не хватило, и последние двести он ей скостил.

— Если здесь есть кто-нибудь живой, — сказала она, — дайте знак.

Аркадий сидел у себя на кухне с бумажкой на груди: «Аркадий. 6 шт.». Бумажка переклеилась со спинки стула ему на майку, пока он таскал стулья из кабинета этажом выше. Пять уже внёс, шестым подпёр входную дверь. Он отлепил бумажку. Палец остался липким.

Он стукнул костяшкой по столу. Один раз.

Наверху выключили дрель. Скобу с двери его бывшего кабинета снимали двое парней, и младший, конечно, мог спуститься на один пролёт, прикорнуть за дверью и говорить в щель. Но для этого ему надо было знать, что у Риммы Петровны был смешок перед каждым трудным словом. На сеансе она весело хмыкнула, прежде чем произнести «прах». Аркадий едва не засмеялся ей в ответ.

— Есть, — женский голос задрожал. — Паш, тут живой.

Кто-то двинул стул. Шестой по-прежнему стоял в дверном проёме. Аркадий видел его спинку — она даже не качнулась. А этот придвинули совсем близко, слышно было, как задняя ножка царапнула пол под окном. На том месте в кухне стоял мусорный мешок, из него торчали лапы лопнувшей резиновой курицы. Насосик ещё работал. Женя собиралась забрать его для своего кукольного щенка.

— Вам кого? — спросил Аркадий.

Женщина произнесла «Веденин Аркадий Семёнович» с таким прилежанием, точно вызубрила к экзамену. Выступал он под одним именем, без фамилии. Клиентам, которым требовалось отчество, назывался Аркадием Леонидовичем, по учителю. Семёновичем он был в поликлинике и у хозяйки квартиры.

— Так я и есть.

— А как мне убедиться?

Вот это было его. Произносить следовало не сразу, дать человеку почувствовать свою власть над вами, а потом попросить назвать такую малость, которую не мог знать чужой. Девичью фамилию матери люди считали страшной тайной, хотя сами же печатали под её фотографиями в открытом доступе, чтобы нашли институтские подруги. Римма Петровна, однако, фотографии не выставляла. Аркадий помнил, что на неё у него было всего две строки, имя сына и возраст. С остальным она справилась сама.

— Вы мне не доплатили, — сказал он. — Я хотел было вернуть всё, вы деньги оттолкнули и сказали, что чужого вам не надо.

Всё ещё можно было взять себя в руки. Налить в пластиковый таз воду, прополоскать майку. Дрель опять заработала бы, мальчишки кончили бы привинчивать хозяйке новую скобу, и в Твери настал бы обыкновенный понедельник, в который пришлось закрыть своё дело и унести шесть стульев этажом ниже, к себе на кухню.

— Это пока только про деньги, — возразила Римма Петровна. — Про деньги и другой может знать. Скажите, с чем я к вам пришла.

Он вышел в переднюю, вытолкнул стул на площадку и закрыл входную дверь. Вернувшись на кухню, сел на прежнее место. После стольких лет было стыдно, что всё ещё помнишь

самую дешёвую часть работы, как подать реплику и куда девать руки, и совсем не помнишь, чего хотел от тебя несчастный человек. Паша. Павел. Он пытался расспросить её о невесте сына. Из таких расспросов иной раз выходил весь сеанс. Маленькая круглая Римма испортила ему заготовленный разговор одним вопросом.

— Вы пришли спросить, знал ли он, что уезжает насовсем, когда унёс из дома свою кружку. Вы всегда пили из одинаковых, боялись посуду перепутать и у него на дне нацарапали гвоздём букву.

— Я не про кружку спросила. Я спросила — с чем.

И он наконец увидел полотняную сумку. Она мешала Римме снять пальто, но чужому человеку женщина её не отдала. Держала на коленях в тёмной комнате четырнадцать минут. Под пальто к кофте пристали стружки.

— С табуреткой. Разобранной. Принесли её в сумке, потому что Паша на ней маленький сидел. Вы сказали: вдруг у вас ребёнку сесть не на что. Я спросил, сколько ребёнку. Тридцать один, ответили вы.

— Мне тогда самой смешно стало, — с облегчением сказала она. — Теперь верю.

Во время работы он не терпел таких пауз. А было интересно, что скажет дальше женщина, которая умерла позапрошлой осенью и, судя по голосу, больше не мучилась одышкой.

— Я Пашу нашла, — сказала Римма. — Вы понимаете? Дождалась. Я как пришла, он мне и говорит, мам, я дома, на кухне свет можешь гасить. В точности как у вас говорил. Даже с этой остановочкой после «дома».

Аркадий понял, что сейчас она скажет ему спасибо. Пожалуй, этого он бы не вынес.

— Вы к чему, Римма Петровна?

— К тому, что это ведь вы тогда сказали, а?

Мальчишки вернулись к своей скобе. В коротких перерывах между визгами над головой что-то шаркало. Аркадий стиснул зубы. Тело, много лет учившееся различать условные звуки за занавеской, сейчас работало совершенно исправно. В передней у него зазвонили ключи на крючке за входной дверью, потому что по лестнице побежали. Комната никуда не уходила. А Римма была с ним.

— Я.

— Сами придумали?

— Сам.

— Слыхал, Паша? — спросила Римма. — Он сам придумал. Скажи ты ему теперь.

Мужчина кашлянул. Аркадий успел порадоваться этому обыкновенному мужскому кашлю, даже живому, курящему куда-то в кулак соседу был бы сейчас рад. Потом Павел заговорил, и оказалось, что больше всего он боялся именно этого обыкновенного голоса.

— Я стою в носках. Правый мокрый. Под табуреткой газета, чтоб острый конец через клеёнку не вышел. А она хлеб режет. Я говорю то, что ты сейчас слышал. И жду, когда она ответит.

— И что?

— Так этого не было.

В замке повернулся ключ. Женя приоткрыла дверь. Шестой стул снаружи мешал пройти, его потянули за спинку, и, когда Аркадий обернулся на звук, на кухне остался только он.

— Мог бы и сам мне открыть, — сказала с порога Женя. — У тебя стул в гости собрался. Прямо у звонка стоит.

От дальней поездки Женя всегда пахла кофейной гущей и старым автомобильным сиденьем, от воротника торчали два медно-рыжих провода. В такие трубочки она прятала на ходу свои ломающиеся дужки очков.

— Жень, я с Юдиной говорил. С Риммой.

— Вижу, перевёзся, — сказала она. Стащила через голову сумку и опустила на пол. — А это к чему ты мне?

— Она умерла. Ты сама мне звонила.

— Я и свозила её вещи к племяннице. А ты обещал помочь.

Она втащила в кухню последний стул. На пол у подоконника из кармана что-то выпало. Деньги? Аркадий увидел сложенные вдвое сотенные. Подхватил их. Выпрямляясь, ударился теменем о подоконник и присел на корточки. Это был промасленный чек за автомобильную щётку. К сгибу прилип ярлычок от чайного пакетика. Она садилась присмотреться, не рассёк ли он кожу до крови, когда он задал ей вопрос.

— Какого цвета были носки?

— У тебя? На тебе сейчас ни одного.

— Когда Юдина приходила. В прошлой комнате. Ты тогда наливала из чайника, а я себе на правую ногу пролил. Ты не помнишь?

— Погоди. Я тебя по башке ощупываю, а ты спрашиваешь, какого цвета на тебе носки были три года назад?

Пришлось рассмеяться. Женя рассмеялась с ним за компанию, привычно, вскидывая подбородок. Он подождал, пока она снимет руку, взял из мешка сломанную курицу и отжал сквозь грязный нос резиновую грушу.

— Нужна?

Женя забрала у него грушу вместе с куском резины и положила в сумку.

— Погоди, — сказала она. — Носки не помню. А воду я тогда на себя пролила. А полотенце мокрое я подложила под ножку. Стул-то ваш качался, помнишь? Аркаш, а зачем мы туда газету стелили? Я вот сейчас прямо увидела: перед тобой газета развёрнута, и на ней эта дрянь с гвоздём.

Он ещё слышал голос покойного. За целый разговор Паша не задал ни одного вопроса. Рассказал только про мокрый носок, про клеёнку и про то, как женщина режет хлеб в комнате, где в последний свой вечер он, может быть, вовсе не был.

— Женя, — сказал Аркадий, — ты завтра в Твери?

— Да я только приехала. Дай кофе.

Он до краёв наполнил турку, поставил на огонь и взял отвёртку. Чтобы разобрать шесть стульев, хватило бы и вечера. Но то, что он искал, могло оказаться именно в последнем, который Женя втащила с площадки.

Глава 2. За щекой

Осенью девяносто девятого Аркадий Веденин научился плакать за деньги. Слёзы требовались маленькие. Когда в захудалом тверском клубе он разводил руки и рыдал, глядя на пустую клетку, никто не верил, что ему жалко попугая. А стоило ему отвернуться от Кашина, шмыгнуть носом и продолжать терпеливо выискивать птичку, у первого ряда начинали ходить ходуном колени. Взрослые шарили у себя под сиденьями. Попугая находил какой-нибудь счастливчик, которому Кашин успевал сунуть за ворот пластмассовый жёлтый клюв. Самому Аркадию за номер полагалось пять рублей.

Слёз как раз никто не видел. Пока он заворачивал кулису, чтобы посмотреть под нею, ему становилось по-настоящему обидно. За этой птицей всегда приходил кто-нибудь чужой.

В тот раз счастливчиком оказался здоровый дядька в стёганой куртке, который испортил Кашину весь конец. Вынул из-за ворота клюв раньше времени и крякнул в него, как в утиный манок. Пришлось Аркадию сказать:

— Это не мой. Я попугая терял, а это, слышите, средство от детей.

Дядька от хохота утиным голосом позвал маму. В первом ряду две девочки стали крякать ему в ответ. А за сценой Кашин долго сворачивал клетку и не платил.

— Мне завтра в школу, — напомнил Аркадий.

— Взрослому человеку сказал, что от него дети бегают.

— Они ж не побежали.

— Это тебя и выручает. Словечко такое прибереги. На другой вечер его больше не будет.

— Я его запомнил.

— Ну так уж тем более.

Пятёрку он выдал. Из кучки, которую отсчитал около кассы, на полу между ширмами осталось одно ещё не использованное жёлтое пёрышко. Аркадий протянул к нему руку.

— Возьми, чего уж там, — сказал Кашин. — Две пятёрки в субботу захочешь?

— Кому ж их не хотеть.

— Сначала скажи, придёшь ли. Птички не будет. Посидишь за столом с людьми. Попрошу сказать за меня два слова, а то и вовсе ничего. Свет горит, встанешь, когда захочешь. От меня до твоего дома троллейбус ходит?

Он первый раз спросил про дом. Родители Аркадия давно жили порознь. У матери он оставался ночевать возле школы, к отцу ездил, когда хотел что-нибудь смастерить. Субботы делили по очереди, которая устраивалась без него. Аркадий не стал говорить, что в субботу его ждут оба и оба будут знать, что он ночует у другого.

— А за что тогда десять, если можно ничего не делать?

— За то, что отговоришься дома и придёшь, как взрослый. Если будешь хохотать — никакие рубли тебя за этим столом не удержат.

Пёрышко было настоящее, крашеное. Аркадий попробовал зажать его губами. Кашин отвернулся к зеркалу и вытащил больной зуб изо рта. Во всяком случае, Аркадий увидел, как оттуда вышло что-то белое и красное, длинное, на мокрой проволочке. Он невольно сунул палец за щёку.

— Горит? — спросил Кашин.

— А?

— Во рту у меня, говорю, у самого горит. Никогда не жуй этим боком, если два тебе полагается от природы.

Вставные зубы он опустил в кружку с водой. В углу, за афишей с подобранным по гамме попугаем, оторвался ус бумажного шутника. Теперь можно было увидеть, что Кашин устал, а когда уставал, говорил гораздо скорее и глуше сценического своего голоса. Аркадию понра-

вилось, что он оставил его с собой после спектакля. При матери гости всегда замыкались в ванной, если хотели хоть заколку вынуть из волос.

— А за кого мне говорить-то?

Кашин остановился у крана.

— Допустим, женщина соскучилась по матери. Думает, не сказал ли ей чего-нибудь со сцены артист, чего она не успела услышать сама.

— А вы её мать знали?

— Одну знаю, другую нет. Женщина выбирает сама. Она мне сказала, по чьим словам скучает. Дальше всё за мной.

— Это что же, как когда дед у нас умер, мне надо было сказать за него? Я ведь могу.

— Ты его голос-то сперва дождись, покуда домой придёшь, и там попробуй. А если я сейчас изреку: «Помнишь пряники, Аркашка?» Кем он у тебя работал? Учителем? А я про пряники.

Он промыл зубы, вставил. Лицо опять вернуло себе форму, язык заходил свободно.

— Дед у меня баранку крутил. И пряников не любил, — сказал Аркадий. Деда он помнил сидящим над стаканом остывшего чаю, цветы по скатерти были вровень с глазами. Мог бы и в самом деле сейчас сказать что-нибудь его голосом. — Вы ничего про него не знаете.

— Ты сам мне и назвал то, что нужно. Не учитель. За рулём. И баранка тебе от него в язык вкатилась, сам бы ты сказал — шофёр. Слышишь, как это делается?

Аркадий обдумал. За ним словно залезли рукой в самый рот и маленько подержали, не причиняя боли, но и вырваться он не успел. Он тоже так хотел.

— А в эту субботу вы стали бы один справляться, если я не приду?

— Придётся. Но я бы попробовал с тобой.

— Значит, не вы мне одолжение делаете.

— Что ты хочешь?

— Свой номер. Скажите, что дам свой номер. Никакого попугая. Перед кем хотите.

Он это придумал теперь же, а руки всё время знали, в какой карман за чем лезть. В левом была пустая спичечная коробка, в правом две плотные бумажки из конфетной фольги. Можно было положить в коробку одну и вытрясти на ладонь две, а под конец дать кому угодно осмотреть обе руки. Фольга под рукавом кололась, снимать пиджак на этом месте было нельзя. Зато всё своё, от начала до поклона. Проявленное Кашиным беспокойство о том, как он будет ехать домой, уже ничего не значило рядом с новым торгом. Кто сильный, всегда может рассчитывать на бесплатное выступление слабого.

— При ком же хочешь?

— А перед вами. Вы сами сказали.

Леонид Кашин с достоинством уселся на подоконник. Просмотр начался не с той стороны, с которой его задумал Аркадий. Сидящему на уровне плеч фокусника был виден вовсе не рукав. В кружке на стене отражалась его рука, когда он брал вторую фольгу.

Он прошёл номер три раза, потому что два первых Кашин перехватил. На третий раз фокус кончился тем, что на ладони у Аркадия действительно осталась всего одна золотая бумажка. Кажется, вторая наклеилась на внутреннюю стенку коробка.

— И куда делась вторая? — спросил Кашин.

Аркадий пустил слезу. Без ширмы, без утки. В глаз попала настоящая золотая острая заноза, пришлось поморгать. Раз десять потом он пытался вспомнить, в какой момент Леонид вынул вторую бумажку у него из коробка. Он хорошо помнил только собственный стыд. Сказал, глядя в зрительный зал, где никого уже не было:

— Вторая за щекой.

Кашин съехал с подоконника, приблизился. Он открыл рот; на боковом зубе лежала ровная золотая коронка из конфетной фольги.

— Это ты как сделал? — вполне серьёзно спросил он.

Аркадий знал, что его обманули. Но сейчас это был его собственный фокус. Заперев рот, он мог до самой смерти не рассказывать Кашину, как туда попала эта коронка.

— В субботу скажу.

***

Швейная мастерская занимала длинное жёлтое здание, из двух входов один вёл в шитьё, а другой в зал, в котором хозяйка сдавала красный угол под дни рождения. Теперь там стояла стремянка с кем-то подвешенными к перекладинам перчатками. Кашин пришёл раньше и распоряжался подготовкой, как у себя дома. На часах у мастериц было четверть седьмого, людей ожидали к семи. Аркадий сбросил куртку, повесил её около перчаток. Белый воротник для встречи с роднёй надевать не пришлось; исподняя рубашка в тонкую клетку была по Кашину в самый раз. Кашин поставил два стула, велел тащить остальные, потёр рукавом левую скулу и подмигнул туда, за дверь, куда обернулся от этого движения Аркадий.

В коридоре сидела коротко стриженная девушка в старом ватнике, положив себе на колени швейную машину без крышки. Должно быть, хотела унести к себе. Она крутила блестящее колесо то вперёд, то назад. Всякий раз, как кривая иголка опускалась к дырочке в пластине, девушка склоняла голову набок, будто так иголка вернее попадёт. Аркадий успел подумать, что бывают женщины, с которыми весело проснуться в купе чужого поезда. Такая и пирожком угостит, и стукнет тебя за что-нибудь раньше, чем досмотришь сон.

— Это твой? — спросила она, когда показался Кашин.

— Аркадий. Ты не смотри, что невысокий такой. Голова у него большая.

— Нормальная голова. Озяб?

— Я в куртке шёл.

— Машинку я заберу, — сказала она, ставя её на пол. — Софья Рыбакова. Если будут спрашивать, почему не закрывается туалет, ответишь, что я держу пальцами дверь, как только крикнут.

Она не первая протянула руку. Аркадий сам протянул, потому что был здесь вторым артистом, и почувствовал, что она подхватила его ладонь мимоходом, попросту чтобы две руки не врезались друг в друга. Пальцы у неё были холодными и в мелких рубцах. Кашин отодвинул за дверь старые весы, которыми раньше взвешивали тюки ткани. Соня с шипением перехватила у него коромысло.

— Своё возьми и катай сколько хочешь. Это мне ещё пригодится.

— А я думал, ты всякую домашнюю жизнь теперь отсюда вытурила. Завтра придут — скажут, нам сдать на вес, а ты тут этакое устроила. И букет вон поставила.

За букет Кашин принял большой вычурный зонтик, раскрывшийся в углу и прикрывший своей серебристой изнанкой парчовый стенд с фотографиями передовиц. От золотистых загогулин из-под зонтика кое-где оставались видны концы. Аркадий заглянул внутрь. Между кольцом и собачкой у него зажали пятак; за этот пятак зонт ещё сто лет не сложится.

— Твоё место вон там, — сказал Кашин, показав на кресло возле протёртой обивки стены. — Мы ничего сейчас репетировать не будем. Посмотри, что видно с каждого стула. Кто вот тут сидит, меня за руку сразу взять может. Он и думает, что его не обманут. А ты сидишь с другой стороны.

— Здесь духота.

— Ты в прихожей-то разделся? Уже хорошо. Садись.

Аркадий опустился на стул возле назначенного кресла. В зале возле стула лежала открытая коробка с бумажными обрезками из-под фотографий. Чёрные поперечные полоски и прямоугольники с карандашными крестами. Он один поднял, а с другой стороны увидел пальцы

молодой женщины без браслета, маленький белый край манжеты и ещё какой-то очень белый провал. Сразу захотелось вглядеться в чужую жизнь, от которой так мало осталось на бумажке. Он сунул находку в спичечный коробок. У себя в комнатушке он копил такие кусочки лиц. Раз старуха из газетного киоска сожгла у него под носом целое собрание довоенных утренников, оставленных прежним хозяином. Он успел выпросить только футболиста с розеткой на груди. Внутри розетки чернилами были нарисованы очки, никому больше не смешные.

Девушка в ватнике передвинула белую стойку, села и нагнулась смотреть сквозь неё к двери. Под локтем у неё болтался чёрный хвостик тонкого ремня.

— Соня! — крикнул из зала Кашин. — Обещала скамеечку, она где?

— Да вон под тобой. Ты её как раз пнул.

Последний ответ раздался совсем рядом с Аркадием. Соня стояла у него за спиной. Она успела выбраться из своего ватника, накинув серый джемпер, и теперь оказалась совсем другой, уже не такой лёгкой и смешливой, как сперва.

— А я смотрю, то ты сидишь, то ты стоишь, — замялся он, оборачиваясь опять к стойке в коридоре.

— Это Нелля. Ты нас за одного человека считал? Почему-то ей все с ходу отдают мои деньги, а как чтоб колготки новые купить, мать мне самой давала.

Из коридора крикнули:

— Молодой человек! Женщину, которая будет всё портить, надо узнать сразу, давайте повторим.

И фотограф со стойкой вышла к ним. Ватник Сони был у неё на руке. Она сунула руки в рукава и натянула ватник передом назад, и упёрлась подбородком в воротник.

— Вы вступаете в брак добровольно?

Аркадий от возмущения хрюкнул. Никто не ждал от него этого, из него будто от удовольствия вдруг вырвалась привычка быть везде мальчишкой, которому полагается смеяться, когда шутят взрослые. Соня с фотографом и впрямь не были похожи, как он их спутал? Нелля была намного старше. Под правым глазом кожа собиралась веером в крупные лучи, от этого глаз всё время жмурился на свет.

— Я людей здесь сниму, — продолжила Нелля. — Как свадьбу, по пояс. У меня все на свадьбах фотографируются веселее, если знают, за что мне платят. За общее фото. Только уговор есть, и с тобой, Сонь, тоже. Заказавший себе карточку за неё платит сам. А кто откажется — тот спокойно встанет со стула и уйдёт, правильно? Моё место всегда там, где никто не споткнётся. Ну, согласен? А что ты так здорово выдумал с этим птичьим носом?

Она была в клубе. В тёмном платье, возле стенки. Как же он её не запомнил! Всё шуточки свои выдумывает, а людей толком не видит. Аркадий пересел туда, где прежде сидел Кашин. В коридоре сквозь внутреннее окно было видно, как одна из швей развешивает на круглом манекене плащ с высоким лакированным воротником. Манекен покачивался. Блестящее мокрое плечо то и дело возникало над занавеской и убиралось обратно. Кашин у него за спиной медленно подвинул стул. Аркадий ощутил, как без единого слова его готовят к тому, что будет сейчас.

— Тебе до скольки можно? — спросила Соня.

— Мне можно сколько угодно. Что я тут, один такой маленький, что ли?

— Один, — сказала Нелля. — Хочешь, в фото старше сделаю?

— И так сойдёт.

— Тогда сядь со всеми. Тебя не надо на табуретке прятать, он же сейчас здесь задохнётся, — добавила она Кашину.

Кашин стал на одно колено, поставил возле стула свою потёртую коричневую коробку. Согнулся посмотреть, что у него там внутри, и встал, не поднимая головы, так что Аркадий сверху видел, как легко, одним приёмом разогнулись эти немолодые колени. Сцена ведь даёт

человеку возможность так подниматься, подумал он. Вроде бы тебе уже шестьдесят, и зубов нет, а ты знаешь, как это делается, значит, тебе радоваться ещё лет семьдесят.

— Никаких табуреток. Артист сидит, куда полагается, — сообщил он. — А ты, Аркашка, если обманешь, не беспокойся. Прощение придумано для таких удачных случаев.

Точно так же на отцовском дне рождения никто не ждал, что Аркадий возьмёт к себе на колени тётиного младенца, но все уже договорились, как смешно и хорошо у него это выйдет. Он успел спросить:

— А за кого мне два слова сказать?

Кашин приложил руку ко рту. Затем улыбнулся во всю ширину, словно показывал ту золотую коронку, которой там давно уже не было. Аркадий вдруг понял, что Леонид не знает, сколько ему лет, и никогда ещё не спросил.

— Расскажут, — сказал Кашин. — Я тебя потому и позвал, что ты не полезешь вперёд, пока тебе никто ничего не сказал.

Глава 3. Чужой локоть

За семь лет до того, как покойная Римма Юдина вызвала живого человека, её сыну Павлу стало некуда поставить левый локоть. В двадцатых числах октября 2019 года он затягивал шнур на четырёх склеенных углах рамы, когда мать открыла дверь заказчице. Пришлось прижать локоть к боку. Заказчица боком протиснулась в мастерскую. Павел отодвинулся, мать повернулась, скатанный под мышкой у женщины рулон больно ткнул его под ухо. На четверть оборота шнура у него ушло минуты три. Что дальше делать с собственной жизнью, он тогда ещё не знал, зато прекрасно понимал, отчего в его возрасте начинают ненавидеть вполне невинных людей.

— Давайте я вас с другой стороны пропущу, — сказал он.

Женщина посмотрела, куда он показывает. Между стеной и верстаком оставалась щель в ладонь.

— Предлагаете мне самой свернуться трубочкой?

Рулон она держала, как хлеб под мышкой, и один мятый край подрагивал в такт её дыханию. Это была длинная женщина в пуховой жилетке, рано и очень красиво поседевшая. Серебряные волосы она коротко стригла кругом головы, между прядями высоко торчали розовые уши. Павел извинился и снял с подоконника свои коробки. Женщина шагнула к нему, чтобы положить рулон, но мать ухватила её за жилетку и осторожно повернула вправо.

— Там у Паши морилка не высохла. Сюда давайте. Я принесу гладильную.

За дверцей самого узкого шкафа стояла складная гладильная доска. Пёстрый чехол весь был в точках от клея. Мать застелила его чистой бязью, и посетительница отдала ей рулон.

— Хотите, отгадаем, что там? — предложила Римма. — Паша, говори.

— Главная труба от маленького парохода.

Когда-то они играли по-настоящему, делали ставки. Кто, не раскрыв, догадается, что хотят обрамить, тот идёт за общими пирожками и сдачу оставляет себе. С холстами полагалось угадывать хотя бы, что на них написано. Однажды среди пыльных роз и лошадей оказался протез уха в прозрачной коробочке; никто не угадал. Оказалось, заказчику всего лишь нужна рамка для объяснительной таблички на выставку слуховых аппаратов. Смеялись они над этим с матерью несколько лет. Особенно Римму веселила твёрдая Пашина уверенность, что ухо привёз художник.

Под резинками, обтягивавшими рулон, шли две рыжие полосы. Мать вынула из фартука тупую линейку, просунула под первую резинку и рассекла ножницами по дереву; бумагу не задела. На внешнем листе открылось такое знакомое с детства жирное пятно от машинного масла, что Павел почуял запах. Пахло, однако, духами с ладони сероволосой. Оксана Рябова, так она представилась матери. В её руках большой лист, освободившись, сразу лёг по старой складке пополам.

— Плохое место, — сказала она расстроенно. — Остальные лучше.

На полусогнутом листе стояла нарисованная цветным карандашом женщина с сумкой кондуктора. Одна нога на тротуаре, другая в автобусе. От фуражки по глазу вверх шла косая складка. Рядом неряшливым фиолетовым почерком было написано: «Тамара Тимофеевна выезжает из дому». Павел заметил странный нос — задирался, как от неприятного запаха. Живая дочь Тамары Тимофеевны ничем не походила на портрет, кроме носа.

Она развернула ещё. Слева пассажиры тщетно пытались пронести козла на верёвке мимо двери, где их встречала Тамара Тимофеевна с дыроколом. Справа две девчушки в одинаковых шубах держали посреди прохода здоровенную трубу.

— Вот и труба. А вы говорили, — сказал Павел.

— Это мы с двоюродной, контрабас везём. У брата, который рисовал, музыкального образования малость не хватало.

Дальше начиналось самое интересное — из-под отогнутой бумажной дверцы вываливался заяц с проездным. Дочь кондуктора придержала тонкое ухо, чтобы не оторвалось, а Римма подложила под сгиб чистый лист картона. Павел сдвинул клеёнку со своей половины ещё на ладонь и поставил чашки на пол, под ноги. На этот раз он охотно уступил бы им весь стол. Рисунок продолжался за краем доски. Люди на каждой сцепке листов передавали друг другу то банку с огурцами, то чей-то красный резиновый сапог. А один мужчина, вечно в том же костюме из семидесятых, опаздывал на каждой остановке.

— В автопарке у матери висело, коллеги пририсовывали. У неё скоро восемьдесят, зрение ещё хорошее, а пальцами этот свиток еле тянет. Мне бы книжку сделать. Чтоб, если остановилась на сапоге, так сапог и остался. Можно?

— Приходите к нам с мамой, — сказала Римма. — Будет примерять.

— Вот ещё, подарок выбирай себе сама! Да и не признается она, что пальцы плохо гнутся. Лучше я побуду у вас за маму.

Они засмеялись, мать и приезжая, и сразу стали заодно. Павел помог свернуть дальний, ещё не читанный конец. На листах уже были поперечные сгибы, но некоторые делили автобусы пополам. Узнать бы, что на обороте. Римма, чтобы его увидеть, приподняла бязь со своего края. Фиксатор на ножке доски щёлкнул, один конец поехал к полу. Паша успел поймать рулон. Оксана подхватила Римму, которая присела ловить бумагу и потеряла равновесие. Они замерли, глядя друг на друга. Мать сидела у женщины на руках, маленькая, разъярённая.

— Вы меня вниз опустите, — сказала она. — Я оттуда сама распоряжусь.

Оксана поставила её на пол. Доской никого не ударило, рисунки не помялись. Паша, расчищая место, снял с верстака свою раму; рант на одном из углов уже успел разойтись под шнуром. Надо было сразу затянуть получше. В чашку, стоявшую на полу, свесилась бордовая нитка: катушка скатилась с доски, и мокрый конец уже распушился красным мхом.

Пока женщины договаривались, он выдернул край из чашки, отмотал намокшее и завязал ниткой обтрепавшийся манжет рубашки. Мать, конечно, сумеет сделать эту книжку. Он только сейчас понял, что давно уже всем, кто приходил к ним, казалось, будто на тесноте дело и держится. Вот бы разойтись с матерью по углам пошире; хоть бы сперва и в чужом помещении. Кругом вначале будет холодно, инструменты понадобится к чему-то прибивать. Чудесно. А когда он вздумает поставить локоть, у него впереди ещё останется добрых полметра.

***

После обеда Паша пошёл смотреть мастерскую по объявлению. Сама хозяйка, Нина Ильинична, встретила его в меховой безрукавке поверх вязаного платья. За ней от порога потянулся прилипший к подошве кусок зелёного пластилина. Они вдвоём соскребли его на края старого календаря. До сентября здесь, по выражению хозяйки, крутили головы: работала детская керамическая студия. Дети умели так вмазать пластилин в пол и так хорошо припорошить пылью, что лишь полгода спустя Нина Ильинична в добрых башмаках его подбирала.

— Мне про два соседних помещения на первом сказали. А заодно, если знаете, где тут жильё есть, я бы и квартиру посмотрел.

— Про жильё пойдёшь на ту сторону двора, к Саше. Саша моя сестра. У нас с нею разные ключи и деньги тоже. Сам ей скажи, что от меня. А про работу давай смотреть.

В квартире матери им двоим пока хватало места. Самой тяжёлой частью собственного переселения Павлу представлялся момент, когда он придёт домой и начнёт снимать полки со своих стен на глазах у Риммы. Можно было оставить полки, но тогда мать заставила бы его или тратиться на новые, или возвращаться всякий раз, когда понадобится именно эта книга или отвёртка.

В мастерской были крепкие полы, за снятой раковиной остались выводы для воды. Свет падал со двора, и оба окна смотрели в одну сторону. Стена соседнего здания скоро загородит солнце, зато с утра можно будет различать самые тонкие оттенки дерева. Из коридора Павел заглянул к соседям: пятеро человек шили куртки, рядком стояли безрукие манекены, играло радио. Между комнатами, которые сдавались внаём, был свободный проход. Когда-то их разделяла дверь, на косяке ещё остались петли.

— Если нас двое станет, будет дороже?

— С чего бы? Зимой из-за вас что, вдвое теплее станет? Только я с одного за обоих брать не буду. Каждый за свою комнату отдаёт прежде, чем совсем ко мне переберётся. Вход один, уборку коридора пополам. Покажу, где ваши названия повесить, для каждого места хватит. Кто вас будет двое, если поимённо?

Ему хватило ума не отвечать за Варю. Нина Ильинична записала телефон на обороте календаря, аккуратно загнув левый край с пластилином, и, прежде чем отпустить посетителя, попросила посмотреть её личную керамическую голову. Стояла та в чулане. На серой, немного треснувшей щеке висел настоящий золотой волосок, голова весила пуда полтора. Вылепили дети. Особенно похожим удался женский подбородок, рассечённый надвое; рот был упрямо поджат, а под глазами юные нахалы накатали из глины хорошие такие мешочки.

— Как есть похоже, — сказала Нина Ильинична. — Но домой унести боюсь. Меня, Слава богу, в доме и так довольно.

Паша потянулся к боку головы, чтобы почувствовать, насколько крепко она стоит на дощечке. Хозяйка перехватила его руку.

— Не за уши. У меня за левым мастер расписался.

За ухом он нашёл слово «Сёма». Дети изваяли себе Нину Ильиничну, а подписаться решился Сёма. Хозяйка берегла его подпись не меньше, чем сходство с оригиналом. Паше захотелось показать Варе эту смешную голову.

Из комнаты он позвонил по тому номеру, который сохранял на всякий случай. В этой новой, почти своей пустоте ему слышно было каждый гудок. Варя сняла трубку. В ответ на его предложение она спросила первым делом, сможет ли повесить свою вывеску.

— Да вешай хоть за ухо, — ответил он и рассказал ей про голову.

Она не засмеялась.

— Ты ещё на месте?

— Ну, пока.

— Мне до тебя двадцать минут. Соседке ключ от лавки оставлю и приеду.

— А ты разве не до семи работаешь?

— Я как раз собиралась закрываться, чтобы к тебе зайти посчитать. Мне ведь далеко не всё равно, куда ты Варьку Лощину переселяешь. Дождись.

Он дождался. У Вари были мягкие ботинки, короткое драповое пальто и большой бумажный свёрток с собой, который она просила не класть на пол. До разговора они с ней несколько лет встречались, отдавая друг другу работы. Её резьба и его рамы вполне могли обходиться друг без друга; он всегда считал, что им обоим было бы лучше, если б дело доходило до встречи чаще. Вид у неё был усталый, на лице выступили пятна с улицы. Она прошлась по обеим комнатам, спросила хозяйку, можно ли подвести воду в ту, у которой окно уже, и только тогда развернула свёрток. Там на обыкновенной фанере ждали первого дела буквы «В. ЛОЩИНА», все разные, как от руки однажды вышло, тонкие, с хвостиками.

— Ты же делать умеешь куда посложнее, — сказал Павел.

— Себе хочу такую. А берут по-божески?

Паша назвал плату. Она вскинула брови. Для двоих с устоявшимся делом, может, и ничего, а у неё сейчас не было таких денег. Обратно шли через столовую, где заказывали у них щитки под меню. Взяли по тарелке гречки и компот. Медный завиток стружки дрожал в

петле Вариного пальто всякий раз, как она наклонялась к столу. Когда они доели, Варя открыла кошелёк и положила перед ним деньги за свой обед. Павел подвинул мелочь обратно.

— Я тебя в новое дело заманить хочу.

— А мне старую мастерскую надо закрыть прежде. Возьми свои деньги. Вон тот пятак в автомат не суй, по краю щербатый, глотает и не засчитывает. Подожди меня до вечера. Посчитаю, тогда скажу.

Возле матери он за работу сел поздно. Пришёл и увидел, как она, положив на пол полосу бумаги, ползает вдоль неё в толстых серых колготках и щёлкает костяшками пальцев. Переходила от одного нарисованного остановочного павильона к другому, примеряясь к длине листов. Паша устроился на полу рядом. Оттуда их мастерская казалась довольно богатой вещами, впору было заняться распродажей.

— Хоть сейчас выходи замуж, — сказал он. — Многие ведь мечтают о материальном достатке. Обманем кого-нибудь с первого раза.

Мать фыркнула и положила ему в руки прямой, ещё не порезанный лист рисовальной бумаги.

— Согни. Только косточкой не заглаживай, оставь сгиб кругловатый. И тут ещё раз. Одну остановку закрыл, другая осталась перед глазами, понимаешь? А теперь отойди, я с другого конца погляжу.

Он поднял лист. Через четверть часа у них получилась белая гармошка. Паша смотрел с одного конца и видел, как Риммина голова вырастает над совершенно белыми остановками, а потом исчезает за последней, пока она поправляет сгиб. Мать встала, опираясь ладонями на колени, потёрла красный след на ноге.

— Мам, я через две недели съеду. И отсюда тоже. Буду отдельно работать. Надо бы тебе к тому времени место сделать, чтоб больше по полу не ползать. А то приду в воскресенье, тебя вон за такой клетчатый коврик приму.

Она посмотрела на широкую клетку своей юбки, которую подобрала, когда ползала с книжкой. Аккуратно спустила ткань до щиколоток.

— Ты хорошо придумал, — сказала она. — Прямо удивляюсь, отчего ты в детстве так медленно соображал.

Он ждал всего, кроме этого. Уже протянул было к ней руки — не обняться, помочь встать, но она стояла на ногах. Он всё равно не убрал рук. Мать вложила ему в них бумагу, прошла к шкафу и позвонила Оксане.

— Получится ваш автобус, — сказала она. — Только вы мне пообещайте никому не рассказывать, сколько это будет стоить. Дёшево беру. Пока мальчик у меня есть, вдвоём сделаем.

Глава 4. Шесть стульев

К пяти утра Аркадий разобрал четыре венских стула с распродажи в Кимрах. Оставались два других, полученных вместе с реквизитом Кашина. В один из этих двух учитель засовывал фотографии клиентов. Кто его знает, зачем облюбовал такое ненадёжное место, но мальчишкой Аркадий самолично вытаскивал оттуда отцов, братьев и покойных жён, которым Кашин приписывал длинные разговоры о деньгах. На портреты людей в средних летах шёл больший спрос, чем на свадебные: за тридцать лет в доме успевали забыть, как выглядел молодой муж, а толстый и лысый ещё всем был знаком.

Он запорол обивку двух стульев, прежде чем понял, что ищет по цвету дерева, а следовало искать по маленьким дырочкам снизу. У зрительского стула нужно было вызвать долгий бархатистый звук. Сущий пустяк, потянуть спрятанную под сиденьем льняную нитку, которой с другой стороны касалась натёртая канифолью тростинка. А на стуле учителя подобный звук совершенно ни к чему. Там под сиденьем шёл целый ряд мелких дырочек. Мальчишки лазили и вязали нитки, не найдя нужной с первого раза, потом Кашин выругался, забил дырки и никогда больше этот стул зрителям не давал.

Он посветил телефоном под сиденье. В буром дереве проступили жёлтые точки. Аркадий пригляделся к серой перкали. Запустил под край отвёртку и нащупал не бумагу, а сперва кусок марли, старик мастерил кармашки под обивкой для пачки новых карт. Хотел выбросить марлю вместе с отставшими нитками. Она хрустнула. В два сгиба был завёрнут единственный снимок.

Шесть человек за непокрытым столом. Худой мужчина, женщина в платье с подоткнутой под ногу плоской сумкой, женщина помоложе с ресницами, отбрасывающими тень. С краю, вполоборота, мальчишка. Аркадий сразу узнал, для чего этот глупый мальчик так вытянул подбородок: хотел прибавить себе годика два. А фотограф знал бы своё дело, так снял бы эту детскую шею с кадыком отдельно, настолько нечеловеческое делалось усилие, чтобы глядеть на равных. Ближе к середине сидела девушка, не глядевшая на Кашина. Тот придерживал рукой табуретку. Девушка с тёмной скулой выражала всем телом такое равнодушие к тому, удастся ли сеанс, что одним взглядом его опровергала.

Под дырявой обивкой лежало последнее, как выяснилось, изображение, где Аркадий с учителем сидели рядом. На нём два фокусника изо всех сил изображали не имеющих друг к другу отношения людей. Учитель выглядел невыспавшимся, у подбородка с одной стороны пена для бритья просохла светлой полоской. Когда он поджимал губы, там бралась складка, куда он вечно спешил пройтись чистым лезвием второй раз. В тот день, значит, не успел. Аркадий взял телефон и снял на всякий случай и полоску, и свой кадык, потом занялся обратной стороной. «Н. Травина». Старый короткий телефон и цена за повторный отпечаток. Кашин звал её фотокорреспондентом, когда хотел подразнить: Травина терпеть не могла казённых званий. Работа — столько-то, повторный отпечаток — столько-то.

На снимке над дверью горела обыкновенная лампочка. Пока разглядывал, ему вспомнилось щедрое февральское солнце у порога. Между тем пришёл он туда в сентябре или в октябре, это точно. Даже не мёртвому было по силам наврать самому себе о том, что помнил доподлинно. В том году как раз ездил к родне с корзиной наливных яблок. Кашин ухитрялся разрезать такое яблоко белой шёлковой ниткой и оставлял снаружи до подачи совсем целым. Он учил тремя движениями нажимать, отпускать и показывать на нетронутую кожицу. По картинке нетрудно было назначить собственную жизнь такой же целой.

Снимок Аркадий поставил к чашке с недопитым кофе. Ему вдруг захотелось, чтобы кто-нибудь вошёл по-настоящему и обозвал его дураком за устроенное в кухне столпотворение. Он добавил к отправленной Жене фотографии четыре слова: «Кто сидит с Кашиным?» В бумажный конверт вложил снимок, а обёртку из старой марли положил отдельно и выбрался на лест-

ницу. В коридоре босым ступням стало холодно. Он вернулся за носками и тапками и запер квартиру. В пустой квартире за дверью ещё звякнула качнувшаяся на крючке связка запасных ключей.

У бывшего кабинета стояла в сером рабочем пальто Кира Нечаева. Она распоряжалась соседским клубом, в четверти часа ходьбы отсюда. Собственный живот, который никак не удавалось застегнуть под тугими пуговицами, она прикрывала круглым электрическим чайником, зажатым в локте.

— Пришёл свою пустую комнату понюхать? И я бы наутро пришла. Только что ж ты опять без штанов?

Он посмотрел. На нём были клетчатые пижамные штаны. Нечаева померила его взглядом и сунула чайник в пустую руку.

— Делать нечего, хоть чайник почините, гражданин. Всю ночь прошипел, как змея, а кипятка у птиц нет.

По субботам в клубе собирались Кирины голубятники. Одни носили с собой термосы, другие до сих пор ходили с эмалированными кружками и в восемь утра требовали кипятку. В верхнем кабинете с этой недели собирались складывать тёплые одеяла и коробки с игрушками к детскому празднику. Аркадий сам предложил сдать помещение, больше не мог за него платить, а вести такой промысел на собственной кухне ему не позволяла единственная оставшаяся гордость.

— Чинить что?

— Шнур. Новый-то возьмёшь — старый куда? Повесь бирку с моей физиономией, и выкиньте оба в один день.

На этот раз он даже не улыбнулся. Она поглядела ему в глаза внимательнее.

— Куда собрался с утречка?

— Вам это лицо знакомо, Кира Яковлевна?

Снимок он вынул из конверта в тот момент, когда она разогнулась под лампой. Чтобы дать разглядеть, придержал снизу её локоть. Нечаева аккуратно убрала его руку.

— Тут я себя первую ищу. Все так делают, а вслух стесняются сказать. Вот эту даму я вроде видела. Никак не пойму, она со мной в автобусе ездила или коня на скаку принимала у меня в сберкассе. Уж прости.

— У неё были какие-нибудь имена?

— У всех есть какие-нибудь имена. У тебя нет сейчас дела без этого снимка?

Он засунул конверт обратно в карман. У Нечаевой был ключ, который он давно собирался попросить у неё: дубликат от шкафа с их старыми клиентскими книгами. В шкафу лежали также ведомости заплаченных гонораров и два мятых берета старика, переданные ему после смерти Кашина племянником. То, что он заканчивал здесь работу навсегда, может быть, было даже хорошо: разрешалось убрать наконец и береты.

— Ключ от шкафа у людей из электромонтажа, — сказала за него Кира. — Вчера они шкаф вынесли и внизу у пожарного выхода поставили, я их попросила. Он новой двери мешал. А ты знаешь, что к тебе приходят?

— За чем?

— Видно, за тобой. Отдельные граждане даже без денег. Не знали, в общем, что ты съезжаешь. Я сказала одной, что всё, конец. Она мне и говорит, а куда теперь пойти, когда у тебя человек умер и хочется ему чего-нибудь рассказать. На могилу, говорю. Она мне говорит: там сквозит. Я не нашлась, что ей ответить. На такой сквозняк у меня теплоты нет. Ты о ком думаешь?

О Павле, который не просил его ни о чём. О том, что скоро бабе дадут другой телефон и она пойдёт к исправной фирме. Но совсем трезвое соображение всё это заглушило. Если Кира встречала его клиентов у кабинета и отвечала им, то могла и Римму слышать когда-то, и чеки

посмотреть. Может быть, это Кира напугала его возмущённым покойником у стула? Сверху до кухонной форточки рукой подать. Один тянет леску, второй говорит. Ещё вчера он прежде всяких потусторонних объяснений проверил бы, кому доступны ключи.

— Кира Яковлевна, ваш молодой человек не интересуется розыгрышами?

— Мой молодой человек семь лет мёртвый лежит, Аркаш.

Ему стало жарко. Он бы лучше получил по лицу. Учитель всей своей фальшивой жизнью так ни разу и не вздумал спрашивать женщину про мужчину напрямик. По руке посмотреть, по тому, кому понесёт авоську, по тому, оглянется ли в пустом зале, когда вытаскивает из кармана лучшую половину конфеты. И рот держать на замке.

— Я про рабочих. Младший-то длинный, как карандаш. Мог быть ваш из клуба.

— Монтажники здесь вообще ни при чём. Вчера с утра пришли, продолбили мне розетку и будут её три недели заделывать. А отчего мне тебе не сказать про мужа, он ведь с тех пор, как лёг на кладбище, никого дурному не научил. У меня в шкафу лежит целый пакет его усов.

— Чего?

— Гримёр был мой муж. Хорошие усы сам вязал, на газе. Любил больше всего царские. Сразу видно, когда у героя лицо кончилось, а усы всё ещё идут. — В глазах у неё блеснула весёлая влага. — Хочешь, дам усы для твоего следующего выступления? Ты же только кабинет отдал. Я тебе книжки-то придержала не для того, чтобы ты их в макулатуру сдал.

Она повела его вниз, не оглядываясь. Вся широкая дорога оставалась для неё свободной, только две девчушки с пакетом кефира на узкой площадке подались к поручню. Кира открыла дверь на запасную лестницу. В нише у поворота упражнялся знакомый трубач. В десятом часу утра он играл на трубе упражнения; здесь эхо получалось во всю стену и не приходилось задевать потолок раструбом. У шкафа работал один из монтажников. По Кириному кивку он отдал ключ. Аркадий открыл дверцу и понял, что пришёл за весьма скудным наследством. У края верхней полки капала ржавая труба. Книжки набухли вправо, как намоченный батон, а крайний берет послужил для них сносной губкой. Он потянул берет к себе и по руке потекла коричневая струя.

— Мне неудобно перед вами, — сказал он и увидел, что прижал мокрую шерсть к груди. — У нас сыровато.

— Снесём сушить к воздуходувке. Сколько там имён?

— Вы за список денег хотите?

— Я хочу, чтоб ты ответил человеку. А то ещё думает, что у вас на небе филиал открылся. Кто хочет, чтобы его оставили в покое, того не тронь. А у кого билет на руках, тому деньги верни. В чём у тебя затруднение?

У него зашевелилась в кармане рука. Ей казалось естественным, что у одинокой женщины, приходящей говорить о покойнике, найдутся ещё деньги на другие приёмы. Ему двадцать лет это казалось тоже естественным. Наоборот, уходившему с выражением облегчения он по молодости ещё совал в карман пару визиток, для друга и знакомого. Потом выяснилось, что отпечатанные визитки часто попадали в больничные тумбочки. Кашин тогда велел остановиться: лучше уж ловить клиента в мнимых сомнениях, чем стать последней бумажкой, которую он увидит у постели. Аркадий бросил визитки, зато обзавёлся обычным номером и поверил, что так честнее.

— Сколько человек-то было?

— Трое. Одна про сквозняк. Один из тех, что всегда хочет кусок побольше, а после у всех по краешку отрезает, потому что никто не даст большой. Говорит, у него к вам личный вопрос о чеке. А третья ничего не хотела, спросила, есть ли кому закрыть осторожно двери. Ей шёлк из шарфа в прошлый раз прищемили. У меня зал свободен в субботу через неделю. Можешь взять, если хочешь им отвечать за двадцать лет.

Стаканы и подстаканники с нижней полки Аркадий оставил клубу. Намокшие книги разложил на складном столе корешками вверх. Распорядительница не уходила, дожидалась, будет ли ей польза от разговора. Можно было прилепить объявление на стене, что дела прекращены, предоплата целиком возвращена, и каждому подтвердить под роспись. Относиться к самому себе как к сгоревшему кинотеатру. Он спрятал в карман засалившийся снимок, убедился, что на нём нет мокрого следа. На липком мокром кончике большого пальца трепетала цветная нитка. Синяя марля под обивкой, плотная как ткань старых фотографических занавесок.

— Мне нужен их последний вопрос, — сказал он. — Меня ведь ни разу никто не спросил, кого именно я всю жизнь слушал. Скажите тем, кто придёт: я их жду в клубе. Один раз. Четырнадцатого.

— Время?

— В три. Я покажу, как мы стучали. Пусть берут свои вопросы, если хотят.

Нечаева не рассмеялась. Записала синим карандашом на крышке старинного чайника «Веденин. 14. 15 ч.» и отлепила от рукава торчащую нитку.

— В три птицы мои. Договорюсь. Кто теперь будет отвечать за твоё обещание перед ними, ты или я?

— Я.

— Тогда напиши на двери. Сам. Чтоб можно было прочитать с лестницы. И с именем, Аркадий. С объявления пропади, а с трёх часов в субботу придут ко мне. Один билет у всех или личное, это ты тоже напиши.

Они поставили мокрые книги веером под струёй тёплого воздуха. Кира обещала забрать тетради в клуб, когда высохнут, и принести в зал к четырнадцатому. Ключ он отдал, сам подписал на полосе упаковочного картона своё имя, адрес клуба и день встречи. Раскаяния не чувствовал, только острое нежелание попасть в чужие глаза в тот момент, когда человек поймёт, что с ним сделали. Профессиональные разоблачители больше всего дорожат секундой, когда зал ахнет. У этих, он знал, никто ахать не станет.

Когда отделался от картона, достал фотографию ещё раз. Старого номера в распоряжении Кашина теперь никак не наберёшь, зато на обороте проглянули под углом слова. Писали на лежавшем сверху втором отпечатке, вдавленные буквы походили на гусиную лапу и твёрдый знак, и под ними — хвост от большой кривой «ы». Он наклонил снимок почти к самому окну на лестнице. Увидел «Рыб». Потом выпрямил, загадка исчезла. Можно было уговорить себя, что таких следов хватит и для Рыбникова, и для Рыбаковой. Всё остальное добавляла охота к готовому ответу.

На вахте он сменил домашние тапки на резиновые галоши для дворника. Вышел во двор в клетчатых штанах, с мёртвым чайником и одним беретом в свежем пакете. Стоял на луже первый жидкий ноябрьский лёд. Две девчушки из подъезда с кефиром в руках обходили лужу по краю. Они шли так медленно, что он привык к плеску под ногами и не сразу услышал Римму. Голос раздался сверху, от окна его квартиры, как у соседки, которой хочется, чтобы ей купили по пути сметаны.

— Вы только ему не рассказывайте всё подряд, — сказала она. — Он теперь за слова хватается.

Другой прохожий задрал бы голову. Он по голосу знал, где она сидит. Продолжала стоять та, неотсюда, кухня, где вокруг чужой табуретки сидели два человека, а газета под гвоздём была настоящей. Он повернулся к своему окну и закрыл глаза.

— Я ещё никому не рассказывал.

— А внизу бумажка?

Она слышала, как он вывешивал листок, или слышала тогда, когда он сам думал об этом теперь, с закрытыми глазами, посреди ноябрьского двора? Он шагнул в лужу. Сапог на нём не было. Вода хлынула через край правой галоши. Глаза от холода открылись сами. Когда он

поднял голову, окно было совершенно пусто. На площадке трубач перешёл к звукам без затей и без мелодии. Аркадий снял галошу, вылил воду. Стащил мокрый носок, отжал, и тут ему в голову пришло ещё одно обстоятельство: Паша говорил о мокром правом. Это у него самого был мокрый правый, а тогда намокла Женя. Он быстро сунул босую ногу в галошу и позвонил помощнице. Не спросить, не у неё ли все чувствуют мокрую ногу вчерашним числом, а побыть хоть минуту при чьём-нибудь узнаваемом дыхании.

— Не сейчас, — сказала Женя. — Я с женщиной про твою фотографию поговорю. Но у меня тоже работа, Аркаш. Ты сможешь взять из шкафа мою длинную иглу? Помнишь, она выпала из колчана, закатилась под доску?

— Прямо сейчас вытащу.

— Ну и скажи себе спасибо, что есть на душе что-нибудь проще спиритизма. А не найдёшь — Бог с ней. Я могу ещё одну купить.

Аркадий вернулся к шкафу Нечаевой. Игла лежала поперёк щели под нижним ящиком, извлекать её пришлось отвёрткой. На третий раз получилось. Он вытер иглу рукавом и, чтобы не потерять, воткнул с изнанки в один из беретов Кашина. Не был готов лишиться всех своих подлинных покойников только из-за того, что один из них однажды ответил.

Глава 5. Левое ухо

На другой день после Аркадиева переезда Женя Лапина мыла остатки резиновой курицы в своей кухонной раковине. Пока птица лежала в сумке, она ещё сохраняла какое-то сходство с собой. Мокрая на столе, больше всего она напоминала жёлтый носок, который в жизни не удастся заштопать.

Женя освободила грушу, промыла и положила на чистую тряпку. Продувать пищалку ртом не стала. Один знакомый артист на представлении проглотил пластинку от утиного манка и, по его словам, до самой больницы свистел. Больницы в рассказе менялись, свист оставался.

На кухонном столе кверху ногами лежал щенок. Для его спины послужила старая рукавица, с изнанки ещё сохранявшая очертания пальцев. Остальное Женя сделала из обрезков искусственного меха, обтянула голову коротким рыжим ворсом и очень удачно изобразила припухлую щенячью брылю. Уши оказались труднее. Одно свешивалось над глазом, как мокрая заплата. Второе, пятнистое, должно было отпасть и обнаружиться в самом для щенка неожиданном месте. Вся штука заключалась в том, чтобы дети оказались проворнее собаки. Щенок смотрел бы влево, бегал по ширме вправо, обнюхивал пустой горшок, между тем пятнистое ухо весь зал видел у него на хвосте.

В одиночку это у Жени почти получалось. Левой рукой, взяв щенка за трость, она приподняла его над головой. Правой выдернула тонкий усик из шва за ухом. Ухо осталось у неё в руке. Женя вслепую прицепила его к проволочной петельке у хвоста. Петелька не вошла с первого раза, зато обе её холодные руки успели согреться, будто она каким-то непостижимым образом развела при помощи одной собаки костёр. Ноги у щенка висели. В зеркало над столом был виден человек с перекошенной физиономией и пятилапое животное, умершее при попытке залезть этому человеку на голову.

— Ну хорошо, — сказала она вслух. — И ты молодец, и я тоже.

Аркадию она обычно отдавала куклу, себе оставляла пищалку. Он первый отыскал бы собачью походку. Каждый из них уложился бы в полдня, а на площади сказали бы: какой хороший артист приезжал, с ним ещё была эта рыжая. Рыжей Женя стала всего два года назад и успела от прозвища устать.

Она набрала Надю.

— У тебя во дворе сегодня найдётся один ребёнок?

— Имеется в наличии. Учти, свой. Сегодня во вторую смену, до полудня он наш.

— Мне нужен чужой.

— По отношению к тебе вполне чужой. До обеда приходи. Только если моему сыну опять придётся изображать диван, он денег возьмёт.

На прошлый день рождения Федя попросился к Жене за кулисы. Она пообещала ему роль, а в пьесе, с которой они гастролировали, оставалось свободным одно место — под шёлковой собачонкой. Служить диваном, пока у тебя на спине месит лапами тряпичная такса, Феде понравилось. Счёт он выставил потом, когда услышал, сколько заплатили водителю за то, чтоб тот привёз в театр настоящий диван.

В коробку Женя уложила щенка, палки, пищалку и левый сценический ботинок. Из этого башмака в новой истории щенка должны были выгонять на снег. На дне ещё валялся газетный комок со старого выступления. Выбросила его, положила в карман надкусанный сырник и пошла к Наде.

За застеклённой дверью бывшей колясочной пахло свежими опилками. Надина мать Тоня держала здесь зимой георгины и две разборные кровати. Теперь у входа стояли тиски для починки велосипедов и четыре низких скамьи, а во второй комнатке под жёлтой лампой сохли вымытые стены.

— Давай сегодня в холодной, — сказала Надя. — Там никто тебе не помешает.

— Ты меня позвала собаку испытывать или технику отопления?

— Сперва то, что подешевле. Если щенок получится, Федьку можешь отпустить. Батарею он не починит.

Мальчик с торчащим капюшоном стоял у них за спиной и смотрел на коробку. Ему было девять. В прошлый раз он умел одной щекой вытолкнуть соломинку через дырку от выпавшего зуба. Теперь ему мешали улыбаться крупные передние резцы, будто взятые у мальчика постарше напрокат.

Занавеску они перекинули через бельевой шнур в углу велосипедной. Сквозь клеёнку просвечивала цветная Женина куртка. Пришлось раздеться до чёрной кофты и выровнять край ширмы по самой низкой дверной ручке, которую она выломала бы затылком, если бы сразу её не заметила. Федя стоял в трёх шагах. За ним мать пыталась приготовить экран телефона к съёмке, но он оглянулся и попросил убрать.

— Тогда начинаем, — сказала Женя.

Щенок высунул кончик рыжей морды. Федя снаружи молчал. Женя провела по самому краю ширмы мохнатым подбородком, щенок медленно вылез весь, сердито плюхнулся на живот и лёг. Из нового устройства под тростью выдавить голос ещё не получалось. Женя терпеть не могла взрослых, лающих за игрушечных собак, и пустила в ход ногти. Ногти забежали по изнанке клеёнки и сделали маленький шорох.

— Он спит?

— Смотри, — сказала Надя.

— Мама, я смотрю. Я спросил его.

Щенок медленно, очень медленно повернулся спиной к Феде и стал чесать себе шею о ширму. Женя сбросила ухо, впервые безошибочно подцепила к хвосту. Красное пятно вылезло у щенка за спиной. Теперь он был счастлив, он нашёл наконец нужное место, о которое мог тереться, и знай заглядывал то себе под брюхо, то в ботинок, то за угол дверцы. Женя выделывала это почти весело: крошечная кухня, шкаф, на котором приходилось поминутно подбирать опрокинутые чашки, делали щенка неуклюжим, а здесь, на широкой свободной сценке, он вполне справлялся с собственным телом.

— Под левым боком, — сказал Федя. — Девушка, у вас там иголка торчит.

Она отдёрнула руку. По левому боку щенка поползла тень её обнажённого локтя. Надя приложила палец к губам.

— Три подушки, три! — заговорила Женя за щенка мальчишеским голосом. — Мне бы всего три подушки, на каждую лапу по одной…

— У него же четыре, — сказал Федя.

— А ухо? — растерянно спросила она.

Ответил он не сразу. По клеёнке, которую Женя только что скребла изнутри, пробежали с другой стороны детские ногти. Невидимый зверь догонял собаку. Фединого лица она за щенком не видела, только слышала, как он подвывает от усердия, а потом сердито сопит. Из-под самого края ширмы он выговорил басом:

— Ну чего разрычался? Тебе же дали.

Надя расхохоталась. Не выпуская трости из левой руки, Женя правой сжала грушу в ящике. Щенок чихнул, тоненько взвизгнул. Мальчик отскочил. Тогда Женя отцепила пятнистое ухо и с ним забралась правой рукой в ботинок. Выкинула ухо из-за голенища. Незнакомец в старом ботинке затопал, замахнулся… и полетел на пол. Федя бросился, подхватил его, встал на цыпочки и поставил на край ширмы. Деревянная нога прожила лишнюю секунду, которой не было ни на одной репетиции. Щенок перевалился на спасённый башмак и заснул.

— А он чего на хозяина рычал? — спросил мальчик и полез к ней за занавеску.

***

За маленьким столом в Надиной подсобке они ели короткие рожки с помидорами. Федя поймал хлебом тянущуюся из тарелки нитку расплавленного сыра. Женя съела две порции, а надкусанный сырник так и остался в кармане.

— Значит, я делала всё непонятно, — сказала она. — Никакого хозяина там не было.

— А кто второй за ним бежал? — спросил Федя. — Я ему хозяина прибежал. Он ему насовал корму в ботинок, а этот ещё не знал. Вот и рычал.

— Кто из них насовал?

Федя отложил вилку. Последним человеком на свете, с которым стоило было обсуждать собак, по его лицу выходила сама Женя.

— Хозяин щенку. Чего себе в ботинки корм класть? Мама, скажи ей.

— Есть мнение дать ребёнку доесть. Идея, кстати, мне нравится. Когда у тебя этот ботинок упал, Федя прямо полез его спасать. А когда ты ему ухо туда, ухо сюда, я не успевала. Свет откуда будет?

— Если днём — откуда был. Вечером из окна темно, можно направить твою лампу на стенку. Потом привезу свою. Сколько вы сюда можете пустить?

— Человек двенадцать. Это если по два на скамейку, а я ещё соседские принесу. Ты кого имеешь в виду? На первое представление народу и здесь хватает.

Надя потянулась к стопке картонных кругов от мебельной упаковки. На первом сохранилась бледная печать «Верх». Женя вчера прикидывала, сколько ей дадут за такое представление. Конечно, меньше, чем она получала у Аркаши за полчаса, если надо было сыграть ещё одну скорбящую в зале. Федя наклонился над пустой тарелкой и окунул чёлку в сыр.

— Четыре скамейки по два — восемь, — сказал он.

— Я тебе про соседских. И стулья прихватят. Ты думаешь, я не умею посчитать?

— Я ничего не думаю. Я ухо пойду поищу.

Он вытер со лба сыр рукавом и побежал в мастерскую. Когда ботинок подняли, пятнистое ухо куда-то сгинуло. Женя позволила искать, хотя совсем не была уверена, что мальчик удержится и не разберёт щенка целиком. На столе у Нади среди картонок лежал кусок широкой синей резинки с двумя прорезями. Женя запустила в него пальцы и надела себе на кисть, как браслет. Если утопить в нём куриное лёгкое, правой рукой можно будет двигать ухо и в этот же момент прижимать грушу левой к животу.

— У меня просьба, — сказала она. — На афише я одна. Вот так: Евгения Лапина. Не «мы вам привозим», не «театр Аркадия». И без «развлекает маленьких друзей».

— Развлекает наших молодых кредиторов, — согласилась Надя. Она взяла картонный круг и маркер. — А пёс как называется?

— Раньше назывался «Щенок на трёх подушках».

— А теперь?

За дверью мальчик стучал пустым башмаком, велел кому-то вылезать. Можно было не видеть картинки: вслед за тяжёлым шарканьем старой подошвы бежали четыре лёгкие лапы. Вот бы так озвучить это на показе.

— «Кому ухо?» — сказала она. — Раз уж одну половину мне помог сыграть твой сын.

Надя принялась писать широкими печатными буквами. Женя за её плечом узнала редкое удовольствие — видеть собственную фамилию, начатую другой рукой, и не бояться, что рядом появится имя ещё кого-нибудь, без кого люди не захотят прийти. «Кукольная история Евгении Лапиной». Выше Надя оставила место для рисунка и двух коротких слов.

— Ещё одна просьба, — сказала она уже тише. — Вешать пока не станем. Я хочу язык собаке пришить и попробовать свет.

— Детей ты не обманешь, — сказала Надя вполне добродушно. — Они, если обманула, прямо на сцене тебе это скажут. Чего страшного-то?

Дверь велосипедной с треском отворилась. Федя держал старый ботинок за каблук. Другой рукой он прижимал к груди пятнистое ухо. Блестела металлическая шайба в подошве, и Женя вдруг вспомнила, зачем её туда вбили.

— Там под ногой что-то брякает. Она из ботинка разговаривает. Вот, слушайте.

С минуту Женя не могла поднять глаз. В комнате над Аркадиевой квартирой подошву с шайбой знали по звуку двое. Для короткого щелчка, которого дожидался Аркадий, требовалось упереться каблуком в ножку стола. Тёплая мягкая ступня иначе подавала сигнал, чем рука. Мальчик повозил подошвой по консервной банке, прислушался и посмотрел на Женю.

— Да я знаю, — сказала она. — Я сама её туда засунула.

Глава 6. Полочка на живую

Пока Белла Андреевна была жива, к ней в кухню приходили женщины с одним поднятым плечом. Так получалось, если нужно сперва удержать между сумкой и боком заказ, потом нажать рукой на звонок, а локтем не позвонить соседке. По движению плеча Соня знала, повесить ли на крючок пустую сумку, развернуть ли на полу газету для сапог. Клиенткам спускаться на первый этаж в примерочную было лень, а мать никому не умела отказать, когда у неё просили что-нибудь переделать на живую.

В феврале девяносто девятого пришла Серафима Леонтьевна, которая жила за рекой, в дублёнке с двумя обвисшими передними карманами. В случае надобности она могла вынести в таких карманах из магазина двух живых карасей и хлеб. Вынула она оттуда завёрнутый в газету маленький чёрный жилет. Дублёнку отдала Соне и пыталась, наступая себе на пятку, стянуть отсыревший сапог. Пальцы у неё почти не сгибались.

— Нажать на каблук? — предложила Соня.

— Тяжёлая ты поди.

— Да у меня весу пятьдесят три кило. И те не в пятках.

Ухватили наконец за голенище, сдёрнули. К чулку Серафимы прилипла стелька, а из кухни уже позвал знакомый тёплый голос:

— Жемчужина моя, что ты им там делаешь?

Жемчужиной у матери мог стать и горький пьяница, заснувший у них под дверью в парадном, если ему невзначай довелось попасть на праздник, на который наряжались. Белла получала заказ и начинала обихаживать вещь ещё на человеке. Руки её надо было видеть. По тому, как сердито Белла сдвигала горшок с алоэ, первая заказчица уже знала: сейчас положит рядом с собою и всю длину обновки прикинет. Тогда же она слезла с табурета с рулоном мучного цвета дерматина, посадила заказчицу, сама опустилась на колени и стала разворачивать газету на маленьком свободном пространстве между двумя чужими ногами. Казалось, спокойно могла жить и там.

Жилет был детский. На груди фиолетовая шёлковая вышивка в виде цветущей ветки с неправильным числом лепестков. Ребёнку, который его носил, пришлось бы застёгиваться хоть и кривовато, но самому, потому что пуговицы были большие, с царскими орлами. Соня над ними присвистнула. Белла попросила принести напёрсток, хотя шить пока было нечего, и за маленькие Сонины присвисты уже давно никто не наказывал.

— Митенька в нём играл. Вот такой вот. Он был придворным, — сказала Серафима. — Я ему сказала, делаешь по моему фасону, зато как пряжка блеснёт! Как раз мама, приезжая, привезла пуговицы. Не с тобой ли мы его и шили?

— При мне, при мне. Он у вас нынче где?

— Да уж который год никак не припомнишь, что сказал. Помер он.

Белла поднесла руку к губам. Сначала сторонилась именно тех, у кого умер ребёнок. Потом обжилась и с ними, так что в таких домах её принимали охотнее самых близких родственников. Соня мыла шершавый половник, оставшийся с утра в тазике под мойкой. Вода подавалась рывками; в пятницу напор всегда слабел. Руками с мылом она даже прикасаться к этому детскому жилету не хотела.

— Надо его перешить на Оленькину девочку, — сказала Серафима. — Тоже выходит играть, а на крылья чего-то там не дали денег. Я хочу ей Митин жилет. Не надо трогать, если с изнанки. Разрежьте тут, под мышками. Пусть одна только полочка останется прежняя. Хотя как и разрежешь-то. Мне бы понять, он за то или против.

— Да как вам удобнее, так и быть, — сказала Соня через плечо.

Белла, увидев, что снасти ещё не распутаны, пропустила ответ мимо ушей.

— Ты с ней чай выпей, — сказала мать. — Я свет другой зажгу, у нас в комнате ярче. Без столовой ложки к сахару тебе дают один кусок или сразу два, Фима?

К завтракам людей, которых она не видела по восемь лет, мать готовилась так, что даже Соне неловко было кидать в чай вторую полную чайную ложку сахару, как она любила. Серафима сняла жилет с колен и расправила его на газете. Оттуда выпала замотанная чёрными нитками стекляшка.

— Прожектор, — сказала она, поймав Соню на любопытстве. — Митя у них ходил в грозу, чтобы темноты боялись. С машинкой ходил, проволоку тянул. На конце плафончик. Он мне всегда говорил, мама, бояться стоит, когда на свету вдруг кто-то тронет тебя за больную мозоль. Я ведь столько лет в одной обувке. Как думаете, Митюша сказал бы: мам, давай переделаем? Вам он не подскажет?

Соня никогда не видела Митю. Не знала, был ли он человеком тучным, когда сама уже появилась на свет, или умер вот таким, с полочкой в обтяжку, с пуговицами на животе. Для Серафимы он снова вырос, но в словах её держался попеременно то мужчина в больничной пижаме, то ребёнок, спотыкающийся о свой провод. Мать, ушедшая за светом, видимо, поняла, какую сегодня от неё ждут работу, потому что не торопилась обратно.

— Даже если порежем чуть сбоку, то в другой раз можно сшить, — сказала Соня. — И потом, если умер человек... как я узнаю, какие он слова сказал бы?

— Я думала, вы с мамой вместе?.. Говорили, можно у вас обеих спросить.

Соня прижала ручку чайника, чтобы он перестал свистеть, выключила газ. Пока молчала, пальцы у неё мелко дрожали. Зимним вечером дверь в кухню закрывалась неплотно. Ей почудилось, что соседи на площадке уже знают, что они с матерью сейчас сделают. Мать могла бы махнуть рукой на чужую странность, пришить полосу, получить деньги и утром отвезти подправленный жилет хозяйке. Но в комнате загорелась лампа. Прозвучали четыре простые ноты, наигранные ногтями по поднятому стеклянному подносу, из-под которого выдернули полотенце. Так Белла подзывала дочь.

Теперь можно было позвать соседей, объявить ей, что ей двадцать два сейчас исполнится и можно эту игру прекратить. Серафима, устав ждать, потянула руку к перешиваемому жилету. Она смотрела на вытертый бархат, а у Сони в руке была холодная ручка чайника.

Она окликнула мать таким голосом, каким обещала маленьким детям летом в скверике устроить второе представление, если они не будут лезть на неподвижные ещё качели.

— Ай, мам, глянь.

Белла подошла к порогу. Из кухни было прекрасно видно её извинительно вздёрнутое плечо; она знала, чего дочь ей никогда не простит, и всё-таки ждала, какие слова выйдут из неё сегодня. Соня кивнула. Мать взяла с гладильной доски моток толстой серой резинки и стала наматывать на локоть.

— Скажите имя, — попросила она Серафиму. — У меня шнурок запутался, сама не поворачивайтесь. Я здесь потише.

— Дмитрий.

Соня села, согнула голову так, что её собственные колени с мытого полу пришли как раз под глаза. От газовой конфорки потянуло резким тёплым воздухом. В комнате в самом деле кто-то тихо заплакал, но это была она сама, дышащая через нос с насморком.

— Ма, — подала она голос, не стараясь влезть в мальчишечий ломкий тенор. — Когда буду ходить без лампочки, тогда и бойся. А здесь чего? Давай ей. Кому-нибудь же надо на свет выходить.

Женщина долго смотрела в бок белой швейной машины, потому что оттуда, за высокой её спинкой, шёл для неё голос. Она нуждалась в таком жилете, думала Соня, а они с матерью дали ей ребёнка. Она встала, придерживая чулок, на который налипла злополучная стелька, и подкинула на мокрой ладони стеклянную бусину.

— Тут опять ты это, Митенька, чтоб я на свет? Можно я тебя возьму за руку?

Стало душно. Из комнаты донёсся глухой звон: кольца для штор упали, сдвинутые Беллиным локтем. Мать никогда так не промахивалась. Соня положила руку на руку Серафиме Леонтьевне, потому что та уже её протянула и смело смотрела в сторону машины, где горел единственный свет. Держать эту горячую, бугристую от косточек лапу оказалось проще, чем ждать, пока она опустится на пустое место.

В комнате загорелся верхний свет. Белла вернулась с сантиметром на шее. Денег в тот день она не взяла. Записала на полоске бумаги рост Олиной девочки, её талию и — откуда могла знать? — длину голой спины от самого седьмого позвонка до ремешка юбки. Через три дня Серафима принесла им пятьдесят рублей за переделку, ещё тридцать за Митины хлопоты и коробочку немецкой пудры.

— Ты лучше развёртывай пудру себе, — сказала Соня. — Небось Митя тебе и цвет выбрал?

— Я ей два раза говорила, никаких мне хлопот. Не делай людей дурнее, чем они есть, — ответила мать.

— Она спросила, звала ли я его ещё. И сам ли он сказал про свет. А я теперь ей что говорю? Ты знаешь, прошлым летом я ей юбку латала, на правом боку прожгла утюгом. Ей же не сказала, что так ей покойный велел. Распорола и купила новую ткань. А здесь я чем распорю?

— Закончила? На, достань погладить синие брюки. Девочке твоей Серафиминой кроме жилетки ещё надо синенькие бархатные панталоны. Она не выставить её хочет на шкаф, а на сцену маленькую. А деньги от неё у тебя в кармане, между прочим.

Серафима дала деньги Соне, которая двумя руками уносила переполненное ведро лоскутов. Ей пришлось выпустить дужку. Зачем-то в коридоре женщина назвала их обеих благодетельницами. От сковородки шёл дым, легко можно было спросить, кто теперь будет доедать скукожившуюся яичницу. Мать кусала хлеб и с удовольствием смотрела, как в нетронутой пудре выступает распущенная полувянущая розочка. Нелля бы сейчас ничего им обеим не присоветовала. Высыпала бы две ложки пурпурной пудры на ладонь и раскрасила мать Снегурочкой.

Пришла на примерку сама девчушка, со скрипом выворачивая руки под готовую полочку. Ольга отдала Соне пуговицу, лежавшую отдельно, и просила прощения за дитя. Взвизгнув от удовольствия, маленькая в новой жилетке села тут же на пол, как кошка, и велела старушке себя щёлкать. Фотоаппарата у них никто не захватил. Тогда девочка разрешила бабушке подмигивать и при этом хлопать в ладоши, как все дети этого прекрасного возраста, в котором дорогой аппарат заменяется одним родственным желанием.

Соня сказала:

— А она про него знает?

Серафима не поняла.

— Про Митю-то? Что он на грозе устраивал.

— Оля, — замялась бабушка, — мы ей никак не говорили, чей это жилет.

— Это жилетка дяди Мити была.

Девочка просунула за верхнюю пуговицу смешно зажатый кулачок и перебрала подкладку.

— А он вылезет?

Соня подхватила её под руки, уж слишком быстро девчонка попятилась. Пальцами раздвинула подкладку и показала Олиной девочке четыре блестящих цветных кружка. Маленькая пришла в восторг. Боялась она, что Митя вылезет из жилета и заберёт себе все богатые блестяшки. Круги в подкладке оказались атласными заплатками, сшитыми Беллой так, чтобы у малышки подмышками никогда ничего не чесалось.

— И вы тут сами и театральная труппа, и костюмерша? — сказала Ольга, прильнув головой к её маленькому плечу. В этих пуговицах она узнала маму лучше, чем это выходило у Сони. — Нам можно здесь её переодевать, когда выступать повезу? В грузовике ей не ездить же в жилете, помнётся. Вы уж разрешите?

Белла обещала. Насыпала из полученной коробочки горку пудры девочке в ладонь. Потом крайне бережно сдула ей прядь с лица и показала ей саму себя в зеркале. Девочка не выдержала удовольствия и залепила всю горсть матери в лицо. Здесь уже смеялась и Соня. Отпускать их не хотелось.

***

А перед отъездом людей по домам мать позвала Соню на лестницу. На рассыпающейся тетради для эскизов лежал глазурованный грецкий орех. Весь в пыльной сахарной пудре, длиной с чью-нибудь ложку. Соня увидела, что старик Кашин уже успел и побывать здесь, и побыть недовольным сроками, которые Белла брала на пошив курточек для детей из его номера. Пальцами он не пудрил, у него на лестнице всегда оставалась тонкая снаружи тропка из сахара. Орехи пахли апельсиновыми корками. В эти орехи можно было верить. Пойманный за своей маленькой благотворительностью, Кашин честно говорил, где он их покупает.

— Ты на прошлое Рождество сама меня просила, — сказала Белла. — Сочини мне, говоришь, пару слов, что он скажет, когда письмо с армии получу. Сама придумала дурака в форме, которого ты будто бы любила, потом пятый угол искала, я не находила, где ты ходишь до полпервого. Мы тогда ведь письмо написали вдвоём? И я не говорила никому, почему ты такая весёлая из всего этого вышла.

— У меня никто не помер, мама. И я знала, что ты говоришь. А этого мальчика взяли, как жилетку, повернули. Уже он сам не запрещает ножницами ткнуть.

— Какого мальчика? Он был дяденька, пятьдесят четыре года. Хоть бы у тётки спросила, как они жили. Он свою мать застёгивал в зимнюю обувь до последнего года, она разве забудет?

Мать смотрела на Соню чуть снизу вверх, сидя на верхней ступеньке. Соня видела сверху её редеющий пробор. Как давно они стояли вот так, в полоборота друг к другу, вместо того чтобы сесть рядом. Соня села рядом и почувствовала, как втягивается в эту уставшую спину воздух, пока из трещины над дверью не посыпалась сухая штукатурка. Где-то очень далеко, в подвале или за соседним двором, дробно трещал старый мотор.

— Хочу, чтоб Леонид тебе показал, отчего так делается, — сказала мать.

— Что именно?

— Что ты можешь говорить чужим голосом. Всё у тебя для этого есть, Сонь. Присмотрись, как легко тебе даётся. Смех, чужое слово прикинуть. Себе самой платья не сошьёшь, потому что увидишь на другом и уже не то. Для этого нужна любовь, я тебя этому не учила.

— Так ты ему скажи, что я не хочу.

В своей тесной кухне Белла потом до обеда трогала вправленную в детский жилет широкую полосу шёлка. К вечеру в первый раз попросила дочь сходить за неё к заказчице. Сама она посидит дома, отдышится.

Соня заметила, как мать нехорошо, запоем тянет ртом воздух, словно из пустой капроновой трубочки. Но шла по лестнице и радовалась, что день кончился, всё-таки прижав к щеке оставленный Кашиным орех. Она могла никому не продавать голоса. Чью жизнь ни раскопаешь, там всё кипит и перешивается, и если человек захочет оставить всё, как при живом Мите, он это сделает и без неё. В швейном цехе под вечер выключали общий свет, зато у каждой машинки загоралась своя белая лампа. Соне разрешили сесть в самый дальний угол. Там был недавно вытерт круглый стол, и на нём лежал её собственный первый заказ. Чужие новые

брюки с обмётанной песочной ниткой правой брючиной. По ней предстояло выровнять левую. Соне показалось ужасно удобным, что обе у неё под руками и всё можно проверить.

Глава 7. Выдержка

Чтобы попасть к Нелле Травиной, требовалось сначала отклеить верхнюю губу от нижней и сказать: «Я тот мальчишка». Аркадий три раза репетировал эти слова на улице. Всякий раз слышалось, будто настоящего мальчишку он сперва где-то спрятал. Он привык в любой комнате здороваться и тут же занимать главное место, откуда видел всех входящих. Сейчас ему предстояло дождаться, пока ему хоть в одной комнате предложат место.

Фотографий на вывеске не было. Пожилая женщина продавала кнопки, тесьму, самоклейку для подоконников и садовые перчатки. Женя показала подпись на снимке знакомой портнихе. Та написала в ответ адрес своей старой поставщицы тесьмы. Пять минут потребовалось на то, чтобы найти Неллю Травину, и целая ночь затем, чтобы мальчишке решиться к ней прийти.

Он протянул фотографию.

— Это четвёртый или пятый отпечаток, — сказала хозяйка. — Первые были хороши. Этим я уже загубила тени. Видите, у парнишки с лицом что вышло? Кожа яичная под скорлупой. У этого сюда тень ляжет, у того — туда. А об этом новом человеке ничего узнать нельзя, кроме того, что его кормили кашей.

— Это я.

— В смысле кормили?

— В смысле на фотографии.

— Да я сама вижу. Вы мне поддакиваете, чтобы я за своим языком остерегалась? Не выйдет. Вам чего от меня, миленький?

Она была одета в мужскую рубашку в полоску и длинную юбку, которую, по всей видимости, вытребовала у кого-то из своих покупателей, чтобы было на чём проверить пуговицы. На боковой застёжке их было семь: оранжевая, в перламутр с золотом, простая деревянная и остальные друг на друга походили не больше. Пока она поправляла подол, Аркадий узнал её прищур. Голос прежде был моложе.

— Я вас попрошу об услуге. Мне нужна девушка, которая здесь сидит рядом со мной.

— Зачем?

— Она у нас была клиенткой.

— А я у вас была фотографом. И что? Найти человека теперь просто. Начните с того, почему не нашли сами.

— Меня вызвали с того света.

Продавщица кашлянула в локоть. Красивый ноготь с выпуклой серединой упёрся в его щёку на карточке.

— Вызвали, значит, надо идти. Понарошку рассказываете, потому что я продавец и меня можно спровадить разговором? Или правда?

— Правда. Женщина. Знает обо мне вещи, которые ей знать необязательно. И мёртвый мужчина, её сын, взял из моего какого-то дня две минуты, надел их на себя и живёт в них. Во всяком случае, я так понял. Я не слышал от них ничего, чего кто-то не мог бы узнать из моих собственных впечатлений. Может быть, я про себя разговариваю. Для меня был бы самый счастливый исход. И для тех двоих.

Нелля поправила деревянную пуговицу на юбке.

— Отчего же вы пришли к ней? Вы бы пришли к нашим докторам.

— Я очень давно слышал такое же. На сеансе с этой девушкой, когда ещё не работал. Хотел бы спросить, слыхала ли она тогда.

— Угу. А меня спросить не хотите, слыхала ли я? Нет, не говорите теперь, я уже знаю, что вам до меня дела нет. Хорошее качество в искателе правды. Всякий человек, который не дал вам чужого номера, вам, видно, только мешает.

У витрины встал мужчина в пушистой шапочке на голой макушке и попросил сорок сантиметров широкой бельевой резинки. Нелля сняла с крючка рулон и спросила, сорок чистыми или с загибом. Мужчина помялся и сказал, что ему бы занавеску повесить на кухонный шкафик. Напротив окна шкафик, там стекло, в дверце всё время мелькает окно напротив. Складочек он не любит. Из-за этого спора о сантиметрах Аркадий наконец-то разглядел висящий над её плечом большой бумажный портрет. Не было в нём ничего особенного. Огромный молодой мужчина лет восемнадцати сидел на криво стоящем велосипеде, одна ступня на педали, вторая свободно откинута. У руля замешкалась женщина, поправляла что-то у ребёнка в коляске. Велосипедист старался выглядеть так, будто ни та, ни другой к нему не имеют отношения, но искоса смотрел на материнские пальцы у щёки младенца. Наперёд можно было угадать, что через секунду он бросит на дорогу велосипед и захочет взять малютку на руки.

— Хорошо снято, — сказал Аркадий, когда хозяин глазастого кухонного шкафа ушёл с эластичным шнурком вместо резинки.

— Я снимала, ещё на плёнку. Вот сидит папаша, это я себе накрутила, что папаша. А это просто мальчишка. Мать была из приезжих, дала мне денег на снимок маленького, просила сделать незаметно, чтоб ей самой не пришлось фотографироваться. Тогда делили квартиру. Муж хотел доказательств, что есть у неё другой, и она боялась попасть с любым мужиком на карточку.

— Тогда зачем вы их вместе повесили?

— Она потом сама попросила. Ни ей, ни мужу теперь этой квартиры не нужно, а малыш этот женился на днях. Знаете, кто меня туда позвал снимать? Тот, на велике. Сделался детским тренером, так мальчику потом и говорил: я родню один раз сыграл, мне за это положено роднёй остаться. Вам я никого не покажу без ведома хозяйки. Сама захочет — сама прибежит. Оставьте телефон. Только настоящий.

Он написал свой номер на обороте листка с фотографией. На другом конце длинной стены переливалась прозрачная клеёнка в рулоне, загибала его облик в двух местах и отражала слепым двойником. В магазине всё блестело, вплоть до чёрной щёлки, куда выбрасывали обрезки ненужной тесьмы. Он был уверен, что в хозяйской сумке тут лежит телефон, подключённый к камере. Торговке с таким количеством мелкого товара камера у прилавка пригодилась бы. Он-то первым делом показал бы Соне, кто приходил. Даже без аудиозаписи было бы видно, как постарел тот мальчишка, прежде чем набрался смелости её искать.

— Погодите, — попросил он. — Если она откажется, вы ей передайте, что я заплатить могу. За полдня, за оторванную работу.

— Да что ж вы предлагаете заплатить, когда вам ещё ничего не сказали? У вас в кармане лежит «нет», и вы всякому достаёте его как сдачу на будущее. Я телефон могу дать. Давайте сделаем так, я наберу её, вы поговорите, а что при мне не можете говорить — не говорите и потом.

Она взяла свой телефон, он и правда лежал в сумке, набрала несколько цифр и прикрыла пальцем камеру. В этом движении было бессознательное уважение к желанию человека со старой карточки сохранить своё нынешнее лицо при себе.

— Сонечка, — сказала хозяйка. — Кашин молодой тут, мальчик его. Хочешь с ним поговорить? Живой он, живой. Это я сама вижу. Дать ему?

Телефон качнулся возле её уха раз и другой. Слушали.

— Поняла. Держи, миленький. Скажите ей это теперь.

— Что?

— Скажите, что вам снилось.

Аркадий прижал трубку. Женщина на том конце дышала через нос, с посвистом. Так могла дышать и служащая вокзальной кассы, и последняя отдыхающая под зонтиком на смертельно солнечном морском берегу. Она молчала. Ему первому предстояло решиться.

— Это Аркадий. Вы были у Кашина в девяносто девятом. Я там в этот день тоже работал. Вы не помните, кто-то ел хлеб?

— А вы мне представьтесь сперва. Маленький был Аркаша, а вы кто?

— Веденин Аркадий Семёнович.

— Теперь продолжайте.

— Там или в соседней комнате. Мне сказали: мать режет хлеб. Какой хлеб, не знаю. Я и хлеба не видел и не знаю, какого он был вкуса. Я ищу, что здесь когда-то было настоящего.

— Вы всегда ищете, что вам предложат. Звоните сами, когда вспомните, что можете вернуть.

Щёлкнуло. За все пять шагов, которые он сделал по магазину, ни разу не повернулся спросить, довольна ли Нелля коротким знакомством. Перезванивать с чужого номера он не хотел. Пошарив в кармане, вынул сыроватый ещё берет Кашина с воткнутой в него Жениной длинной иглой. Нелля при виде берета сделала движение ему навстречу и остановилась сама, прислонилась к витрине.

— Вы единственная видели, что происходило, прямо оттуда, с места напротив. Скажите, она знала, что будет сеанс? Извините меня заранее. Вас наняли на общий снимок или она вас позвала снимать фокус под столом?

— Что он под столом делал, от дверей не снимешь. Сколько вы мне кровь будете точить, миленький? Если бы я выставила, как она тогда просила, все бы только и помнили одну карточку: мальчик подыгрывает старому жулику. И вы на ней даже вырасти бы не сумели. А меня ради этой карточки и позвали.

Аркадий положил берет на стекло. Маленькая банка с ядовито-зелёными головками булавок отразилась в дальнем углу, как сад.

— Я не прошу с меня снимать никакую вину. Я хочу знать, вы правда тогда слыхали стук? Я его не делал.

— Там столько было звуков, вы половину не слышали. Кашин точно знал, в каком месте надо голову повернуть. Иногда мне казалось, будто сеанс он держит за конец в зубах, как моток тесёмки. А вот мальчишке под столом нечего знать, когда его просят с другого конца подёргать.

Она взяла его ладонь и положила на прилавок. Из-под прилавка вынула длинную пустую картонную трубку из-под рулона ткани. Попросила протянуть руку, зажать пальцами один конец. Стеклянный прилавок был такой толщины, что он не увидел, какие именно пальцы упёрлись в картон с другой стороны. Она скребнула снизу ногтем. От картона по костям отдался низкий гул.

— Вот что я сделала на том представлении, — сказала Нелля. — У меня была пустая коробочка из-под плёнки. Надо было громадное событие устроить, разоблачить старого трюкача. Я два раза шваркнула снизу. Кто может знать, их вы слышали или нет, через столько лет-то? Не делайте своё счастье на том, как я по своей глупости стучала.

— Но вот вы сейчас провели ногтем, и я знаю, что это вы. А тогда звук был как человек в пол стучит пяткой, осторожно, не разбудить чтобы.

— Я к полу не наклонялась. Я не знаю, кто к вам пришёл. Знаю одно: тому, кто к вам пришёл, очень не нужно, чтобы его вторично выдавали за другого. Вы ведь ко мне за этим шли?

Нелля отняла руку. Трубка покатилась по стеклу и толкнулась ему в запястье. Он благодарно вернул ей картон. Прежняя шёлковая нитка, специально используемая для шума стекла, стоила столько, что они день играли бы вовсе задаром, а столько же шума можно было нагнать вот этой дырявой картонкой. Для чего тогда, думал он, был весь тот сыр-бор с другой стороной, почему за всеми трюками первого представления ему надо услышать именно правду?

От него, может быть, ожидали, что он отдаст последний урок, красиво расстегнёт карман, выложит на прилавок старый берет для Нелли. Он взял его как вещь, нужную ему самому. Взял снимок. Вернулся к двери. Она подвигала нижней губой, которой касались давние две плохо сидевшие коронки.

— У меня тогда рука плохо работала, я стеснялась, — сказала она совсем другим голосом. — Не смогла бы я своей правой и круга по стеклу обвести. Объектив поддерживала левой. А он, Кашин, перед тем, как мальчишке под стол лезть, посмотрел туда и рот открыл. Тихо так, «опять ты». Это я ему по губам прочла. Можете теперь идти. Стойте, оставьте уж до завтра этот кусочек кошмара. Я Соне покажу на досуге, с хорошим увеличением. Чтобы сама в глаза себе посмотрела, кем была, а не тем, что вы с собой приносите.

Аркадий положил снимок обратно на прилавок. Он придержал угол, пока она убирала снимок под стекло. Когда он толкнул дверь, звякнул колокольчик. Посуда в глубине прилавка унялась, за окошком выставили короба с дневным хлебом из машины. Он сел на корточки, так чтобы лицо скрылось под запотевшим стеклом магазинной витрины. Оба колена от нехватки сна хрустели. Я хотел бы побыть там, думал он, пока может найтись человек, который назовёт меня тем самым мальчишкой, и не стыдиться того, что я опять под столом. На воздухе пахло не теплым хлебом, чего и следовало ожидать возле разгружаемой машины, а кислой тряпкой из салона фургона и каплей свежего бензина.

— Вот ещё одно, — сказала стоящая над ним Нелля. — Вы спрашивали про хлеб. Она ела его из самой середины, мякиш выщипывала через донышко. У всех детей корка домиком, а эта только перевернёт — дом пустой. И... хватит об этом под лавкой, меня люди увидят.

Он отряхнул колени и встал. От Неллиных сапог пахло уксусом.

— Кто щипал, Соня?

— Мать её. Мы с нею по одному забору лазали. В венике шёлковых лоскутков две пары колен поди разбери чьи. Белка. Белла. А как с вами станет разговаривать моя Соня, если вы будете слово в слово над ней повторять то, что ей мама передала?

Она его домой не пригласила, денег за разговор не попросила. Фотографию он ей оставил, однако сохранённый на телефоне снимок на всякий случай переложил в отдельный альбом, чтобы вечером не искать. Когда кончил, продавщицы уже не было видно, и в его кармане заворочался звонок с неизвестного номера.

— Я четыре квадрата старого шёлка вам отдала в прошлый раз, — сказала женщина. — Так вы мне их вернули или пустили на фокусы?

Он вспомнил. После работы в том зале ему разрешали взять обрезки от раскроя пособий для кружка. Когда полупрозрачный кусок шёлка зажимали по углам, на него падал свет сверху, а снизу можно было дуть через трубку. Получался большой белый голубь, взлетавший на полную высоту, пока мальчишка под столом не набирал опять в грудь воздуха. Видел ли он это в самом деле на том сеансе или уже додумал потом, когда научился ремеслу? Он не стал врать.

— Про четыре не могу сказать. Один кусок был с рваным уголком. На нём потекла вишня из пирожка. Я его не вернул. Он, может быть, до сих пор у меня дома.

— Не надо искать, давно мышь детей вывела. Завтра после двух я буду в мастерской, — сказала Софья. — Дойдёте через арку, у приёмщицы спро́сите. Я сама открою. Если скажут, что не помнят фамилии, называйте имя. Хотите с кем-нибудь ещё прийти — не надо. Не люблю, когда приводят зрителей, а я даже причёски не сделала.

Он понял эту смешливую речь совершенно правильно. Не пригласить его она уже не могла, но ни одного зрителя на этот раз звать не собиралась.

Глава 8. Девочка с треснутой птицей

В последний октябрьский четверг Варе Лощиной принесли её собственную птицу с отломанным крылом. Деревянная утка летела боком в верхнем углу длинной рамы, вернее, теперь клевала носом в пустоту. На сколе лежала свежая белая пыль. Варя поневоле представила, как человек ставит раму у дверей, освобождает руку для звонка и слышит сухой хруст; у неё самой холодком по коже повело.

— На дорожке зацепил, — признался вошедший и положил крыло на чертёжную доску. — Отступил велосипедиста пропустить, как раз птицей стукнул о стену. За ним побежал даже. А что ему сделаешь, если я сам отступил?

Ему было лет сорок, могло быть пятьдесят. Над губой темнели неровно подбритые рыжие усы. Он держал свой край рамы, спутница его — девушка в полосатом шарфе — другой. Дерюга сползала. Истоптавшись оба у порога, они наконец дошли до верстака и поставили у его подножья раму.

— Папа, мы договаривались, я нижний край беру, а ты птиц держишь. А ты наоборот схватил.

Варя узнала её по тому, как она прикрывала большим пальцем клюв верхней утке. В первый раз эта девочка переступила порог мастерской, когда едва доставала до той утки лбом. Делали птиц для трёх платков. Желтоватый, серый, почти прозрачный голубой; от них на раму ложились тени редкой сеточкой. Всё это было при Захаре Савиче, за восемь, если не за все десять лет до нынешнего переезда. Девочку звали Алина.

— Смотри-ка. Я думала, ты в пятом классе.

— В пятом я тогда и была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.